

БОЛДИНСКАЯ ОСЕНЬ

Нижегородская опера между традицией и новаторством

Михаил Шляпкин. 1909-1968. С. 7

Андрей Хрипин

НА ЗАПАДЕ все солидные оперные фестивали (Зальцбург, Брегенц, Оранж, Савонина, «Арена ди Верона», etc.) происходят в летнее время и, заметьте, не в столицах, а в провинции. На Руси оперные празднества (за исключением петербургских «белых ночей») разворачиваются тоже вдали от столичного Бомонда, но, как правило, поздней осенью и зимой, что вполне соответствует расхожим средневеково-романтическим представлениям о нашей холодной заснеженной стране с «такой горячей культурой».

Разомкнутое живописное пространство Болдинского пейзажа открываетя взору бесконечно урбанизированных горожан как некое откровение свыше — слава богу, еще остались у нас благоговетные святые места. Благодаря тому, что с 1830-го по 1834 год Пушкин «застрял» в своем розовом имении Болдино, русские композиторы (и шире музыкальный театр в их лице) получили такую восточную импульсы, как «Моцарт и Сальери», «Каменный гость», «Скупой рыцарь», «Домик в Коломенском» (опера Стравинского «Мавра»), «Анжели» (опера Кюи), «Медный всадник» (балет Глазун).

Когда-то имя великого поэта земли русской носило сразу два оперных театра СССР — Модковский и Горьковский. Сегодня многое в нашей жизни изменилось, в том числе географические и театральные названия. Но Нижегородский театр по-прежнему, независимо от юбилея, гордится именем Александра Сергеевича на своем фасаде и в этом году провел уже тринадцатый по счету пушкинский фестиваль оперного и балетного искусства «Болдинская осень». Раньше в фестивальной афише можно было увидеть, например, «Тоску», «Травиату» или «Люцию ди Ламмермур». В последние годы театр задался целью представлять пушкинский репертуар в гораздо более незамутненном виде. С этой точки зрения оперная программа-99 удалась с точностью до буквы (все названия — «Онегин», «Пиковая», «Мазепла», «Борис Годунов», «Ай да Балда» — пушкинские). Из трех десятков спектаклей только один был, что называется, на тему — «Бахчисарайский фонтан». Буква буквой, но не в ней, наверное, дело, ведь, скажем, тот же «Шелкунчик» или «Травиату» можно поставить «по-пушкински» — дело лишь в нашей с вами фантазии. Театр фактически добился «чистоты» в пушкинской афише во время фестиваля, но, с другой стороны, совсем лишь своим зрителям избалованным западных шlagerов. Тут трудно что-либо советовать, поскольку дилемма — Пушкин или интересы публики — поистине галеметаская.

Нижний встречал ядреном молодем аутентичной русской зимы. Старинный город со славным купеческим и капиталистическим прошлым поражает воображение путешественника. Сидя в уютных залобившихся в болотную красу средней Волги, в эти бескрайние просторы, в величье колыба Кремля, в зубчатые башенки знаменитой ярырки и в строгую белизну храма Христа Спасителя. И вспоминается: «Глянуть с Нижнего, со крутой горы...» — из «Чародейки» Чайковского.

Театр в городе юности Горького вряд ли можно отнести к числу архитектурных достопримечательностей, несмотря на то что это бывший Народный дом, на открытии которого пел Шляпкин. Скрываясь, в духе индустриальной архитектуры 30-х годов, построй-

кой, позволяющий за сеткой рабицы, обывковские божки) Оффенбаховские «Сказки Гофмана» так и не дошли до премьеры, поскольку возникло опасение, что «народ не поймет» столь гурманской оперы.

В патриархальном контексте Нижегородского театра новой спектакль московского режиссера Ольги Ивановой «Евгений Онегин» выглядит как компромиссное балансирование между традицией и в умеренной новизной. Но даже и этого, в общем-то, весьма невинного экспериментирования было достаточно, чтобы вызвать вокруг театра бурю споров, интриг и, вы не поверите, скандалов. Видимо, это и стало основанием газете «Культура» назвать спектакль «маленькой революцией в Нижегородской опере».

А всего-то ничего — режиссер просто-напросто попытался последовать замыслу Чайковского и представить хрестоматийный опус именно как лирические сцены. В ее интерпретации «Евгений Онегин» стал «Сном Татьяны» — Иванов работает в манере импрессионистских наплывов (сны, видения, воспоминания Татьяны) с использованием техники кинематографических крупных планов и стоп-кадров. Аскетичная сценография Эдуарда Кохергина (здесь в виде желтых обоев, наклеенных на некую средне-

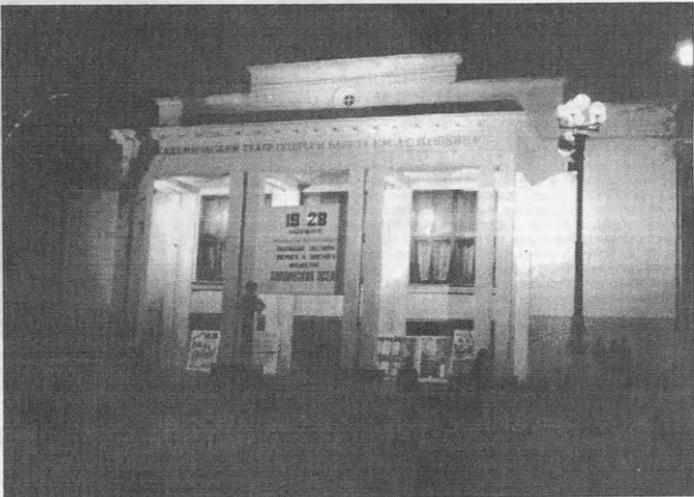
русскую оперную традицию, но, как правило, поздней осенью и зимой, что вполне соответствует расхожим средневеково-романтическим представлениям о нашей холодной заснеженной стране с «такой горячей культурой».

ро, позволяющий за сеткой рабицы, обывковские божки) Оффенбаховские «Сказки Гофмана» так и не дошли до премьеры, поскольку возникло опасение, что «народ не поймет» столь гурманской оперы.

ро, позволяющий за сеткой рабицы, обывковские божки) Оффенбаховские «Сказки Гофмана» так и не дошли до премьеры, поскольку возникло опасение, что «народ не поймет» столь гурманской оперы.

Нижегородский театр всегда располагал неплохим пересечком составом. Тринадцатая «Болдинская осень» подтвердила эту репутацию. Трогательным (правда, несколько «старушачьим», как говорят в Малороссии) Ленским был Михаил Ларин. Молодая Наталья Черток, обладавшая весьма оригинальными вокальными параметрами, сумела быть чистой и сильной Татьяной. Мягкое лирическое мещо и солдатный облик Елены Шевченко, только что вернувшись в родной театр из Перми, ассоциируется с какими-то удачно образами, только не с «вострушкой» Ольгой — действительно, в партии Марины Минишак артистка была вполне на месте, хотя, конечно, гурманам и тут не хватало остроты, импозантности и «драматичности» звучания.

Каждому театру хочется иметь в своей копилке если уж не подлинник, так хотя бы копию «большого стиля». Таков нижегородский «Борис Годунов» в оркестровке и редакции Римского-Корсакова. В декорациях, созданных по мотивам Федоровского. В титульной партии «маленький нижегородский Шляпкин» бас-баритон Владимир Ермаков рисует образ преступного, мучимого раскаянием шаржера. В его Борисе действительно сквозит что-то злодейское, буйное, разгульное, а бы

Нижегородский оперный дом.

Фото Владимира Шохина

градными вкусами населения. Поэтому — апробированный, шлагерный репертуар, предпочтенье русским авторам, ориентация на постановочную технологию «большой оперы» в духе народных музыкальных драм Мусоргского и «Пиковой дамы» с густо населенной маской и декорациями Федоровского. С оперным «эпосом» мирно сосуществуют оперетты Кальмана и нечто ориентально-экзотическое (в данном случае балет Амирова «Тысяча и одна ночь»). Некоторое время назад спектакль режиссера Владимира Агабабова «Скупой рыцарь» по опере Рахманинова исчез с афиши из-за того только, что был режиссер современными выразительными средствами (Альберт — окрасился с дубинкой-демократизатором, Барон — собиравельный вариант тирана, смея Берли с Хрущевым, Герцог — новый русский в зеленом пиджаке и с сотовым телевизором, безмолвствующий на-

скую растительность, неизменная колоннада-полуротонда, критический минимум служебной (буфони) начисто лишает спектакль привычной маховости. Вот и вся буря (в стакане воды).

Фестивальный спектаклю неизменно повелось с Онегиным. Баритон из Большого театра Игорь Тарсов, выросший за последние два сезона из подвоящего наждак молодого человека в настоящего артиста, «взял» зал с первой попытки. Искусство лирической интонации, умение вести фразу красиво и деликатно — все это новые черты, удачно дополняющие блистательные внешние данные певца. Осмысленность работы Тарсова проявлялась, в частности, и в том, что интересно было смотреть, как он слушает других, как реагирует. Единственным баритером на пути к совершенству остается пока проблема с крайними верхними нотами. Из-за чего сакраментальная фраза про жалкий жреби звучит не по-шарски.

даже сказал. Разбойное. Впечатляюще, правда, несколько злоупотребляя аффекцией, провел любящим публики сцены галлюцинаций и смерти. Отличное впечатление произвел в роли Варлаама Владимир Ситников (в прошлом солист Баканской оперы) — настоящий бас, умный, интеллигентный. Острой характерностью, доходящей порой до карикатурности, пронзительным звуком и бешеной энергией надежды Самозванца Александр Дедик, в прошлом солист Кировского театра.

На летних гастролы Большого театра в Лондоне старый «Борис Годунов» имел оглушительный успех. Англичан привлек в восторг умение русских сохранить в целостности и непеременимости главные шедевры своего театрального музея. То же самое покорило и в стремлении Нижегородского театра сбегать знакомое старое. Хорошо, что этот музей — живой.

Нижний Новгород—Москва